

«Заслуженный артист Литовской ССР, лауреат Государственной премии и международных кинофестивалей Донатас Банионис — один из тех актеров, кого кинематограф открыл «вдруг». Но появление Баниониса на большом экране предваряли тысячи выступлений артиста на сцене Паневежского драматического театра, большая школа актерского мастерства в студии режиссера Ю. Мильтиниса, немало исканий, проб, экспериментов.

Любимое выражение Баниониса, то и дело проскальзывавшее в разговоре о сценическом творчестве и вообще об искусстве, — «человек в ситуации». Вот я и попросил рассказать, как он будет вести себя в различных «игровых» ситуациях.

Итак, ситуация первая: — Вас назначили режиссером театра. Ваша первая встреча с труппой. Вы произносите «тронную речь»...

— Ну, уж нет, никогда бы не согласился на такое испытание. Я актер, а к режиссуре надо иметь особое призвание. И потом, если бы такое превращение все-таки произошло, я бы ни в чем не превзошел моего учителя — основателя и режиссера нашего театра Юозаса Мильтиниса. У него я учился всю свою жизнь, я привык к его видению сцены. Между нами та творческая близость, которая идет от человеческого и актерского доверия к режиссеру, и потому я вижу театральный мир во многом глазами Мильтиниса. А для того чтобы быть настоящим режиссером, нужно принести в театр свою, новую, оригинальную систему актерского искусства. Так что я бы в лучшем случае только повторил Мильтиниса, и в своей маловероятной «тронной речи» сказал бы коллегам то же, что и он: «Играйте, как хотите, любыми средствами, но чтобы все было правдиво, чтобы я, зритель, удивлялся вам, восхищался вами, любил вас».

Мильтинис не признает ни «звезд», ни амплуды. Работают у него все и во всех актерских жанрах: сегодня комик, завтра трагик, и наоборот. Однажды довел он меня своими «придирками» и замечаниями до состояния бунта. Я вспылал и решил все делать по-своему. «Вот», — обрадовался Мильтинис, — то, что нужно!»

В пьесе «Гедда Габлер» я играл профессора Тесмана. По тексту это вполне положительный, благородный муж, с головой ушедший в свою на-

уку. Мильтинис же утверждал обратное: Тесман — карьерист, коллекционер фактов. Я разрывался между двумя трактовками: режиссерской и авторской. Кто прав, кому верить? Наконец Мильтинис показал мне точно такого же человека в жизни и сказал: «Понаблюдай за ним». Стоило мне действительно отнестись к своему знакомому по-актерски пристрасно, заинтересованно, и я в самом деле нашел ключ к образу. Режиссер оказался прав.

Таков наш Мильтинис. — Снят уже десятый дубль. Все не то. Режиссер хватается за голову...

Донатас БАНИОНИС

— Я тоже хватаюсь за голову и бегу прочь со съемочной площадки. И очень хорошо, если съемка переносится на следующий день. Оставшееся до нее время я провожу в одиночестве. Если мы остановились в гостинице, ухожу и всю ночь брожу по городу. И думаю, думаю, думаю: что же, почему не получается...

— Ваши герои в большинстве своем люди мужественные, смелые. Случалось ли вам вести себя в жизни так же, как и они на экране!

— О нет, я считаю себя человеком отнюдь не железной воли. Наверное, именно поэтому так люблю играть, что называется, «настоящих мужчин».

Когда шел отбор на роль советского разведчика Ладейникова в фильме «Мертвый сезон», один из консультантов картины (о нем «Комсомольская правда» рассказывала недавно в материале «Спецкомандировка») показал режиссеру на меня и сказал: «Вот настоящий разведчик». Его спросили, почему он так считает. «Потому что Банионис похож на разведчика», — ответил консультант. Именно таким «непохожим» я и старался играть Ладейникова, со всеми его человеческими слабостями и сомнениями. Преодолею их, выйду победителем, быть на голову выше своих противников Ладейникову во многом помогает то, чего они лишены, — высокие идеалы. Помните чудесную песню совет-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ского разведчика «С чего начинается Родина?»...

— После дальних странствий, гастролей, поездок вы возвращаетесь в родной город...

— Первым делом открываю почтовый ящик и просматриваю всю накопившуюся корреспонденцию. Потом иду в театр и наверняка дней на пять-шесть погружаюсь в срочную работу. И уж затем, приведя все дела в относительный порядок, отправляюсь в книжный магазин или копаюсь в моторе, а если необходимо совсем отрешиться от земных дел, иду в старый парк над Невежисом — нашей рекой.

— Вы в книжном магазине...

— Поискал бы на полках стихи Марцинкявичюса, попросил бы продавца, чтобы при случае отложил Рембо, Есенина, Верлена. Наверное, я очень все-таки «постарел» — предпочитаю новомодным изыскам в литературе классику, и особенно Пушкина, Лермонтова.

В последнее время очень ценю в поэзии ее доброе отношение к человеку: глубину мысли, четкость ритма, стиля. Может быть, это покажется странным, но мой критерий в поэзии — графика Гойи. По ней я выверю и технику исполнения, и авторскую фантазию, и внутреннюю пластику стиха.

— «Побывав» Гойей, проникнув, насколько это возможно для артиста, в мир этого человека, психику, не чувствуете ли вы себя разглядывая офорты

Гойи, картины, своего рода «составом» художника, то есть духовно причастным к его творчеству!

— Нет... Пожалуй, нет. Для этого надо очень хорошо знать Гойю, его эпоху... Биографические же сведения о нем скудны, личная жизнь во многом скрыта от историков.

Я ведь играл не совсем Гойю, а скорее художника, таким, каким он дошел до нас в своих произведениях. Но офорты его мне близки и понятны. Мне дорог романтический реализм Гойи, его остроумие, выдумка, фантазия.

— Вы кинокритик, принципиальный и строгий. Только что просмотрели несколько фильмов с участием Баниониса...

— Я бы развел руками и сказал: «О, не будьте к нему слишком жестокими! У человека семья, дети, его постоянно отрывают от дела, заставляют думать о чем угодно, только не о своей работе... А потом, смотрите, как он старается, но то ли режиссер ему плохой попался, то ли свет не так падает, в общем, пока у него не все гладко. Может быть, со временем ему и удастся что-то сделать».

— Вы на моем месте. Вам надо задавать вопросы...

— Ну, конечно же, спросил бы: «Какой самый забавный случай произошел с вами в жизни?» и «Каковы ваши творческие планы?»

— Раз так, считайте, что вопросы эти заданы.

— Хорошо. Случай, может, поучительный. Недавно в одном доме я был в гостях. Ходил по комнатам, рассматривал книги, эстампы, сувениры. Взял с полки фаянсовую статуэтку, перевернул ее и обомлел: на донышке стояло мое именное клеймо — «D.B.». Свой трудовой путь я начинал керамистом, учился в специальной школе, потом работал в фабричной мастерской, делал свои вещи. И вот спустя тридцать лет встретил свое изделие — фаянсового медведя. Подумалось об ответственности художника за свои произведения, буквально за все: большие и малые, поздние и ранние...

Сейчас я снимаюсь в фильме А. Тарковского «Солярис». Хотя фильм и фантастический, мой герой — Крис Кельвин — решает вполне земные нравственные проблемы. Воле того, проблемы очень сложные, современные. Но об этом я постараюсь рассказать с экрана.

Беседу вел
Н. НИКОЛАЕВ.